

валъ по близости на дачѣ, въ Соколовѣ, у своего пріятели П. В. Нащокина.

Зимою Пушкинъ потомъ заѣжалъ къ Щепкину въ домъ нѣсколько разъ. Онъ, между прочимъ, искалъ у него свиданія съ В. Г. Бѣлинскимъ. Хотѣлъ самъ лично пригласить Виссаріона Григорьевича принять участіе въ журналѣ, который долженъ былъ редактировать Пушкинъ.

А Бѣлинскій былъ у Щепкиныхъ въ домѣ со-всѣмъ своимъ человѣкомъ. Въ лѣтнее время на дачу къ Щепкинымъ онъ то и дѣло заѣжалъ.

Всякій пріѣздъ Бѣлинскаго какъ-то словно перерождалъ артиста: онъ молодѣлъ душой, оживалъ и радостно слушалъ все, что говорилъ Бѣлинскій, а Бѣлинскій иначе, какъ пламенно, говорить не умѣлъ.

И весело катились часы за часами въ этой умной и пылкой и дружески-чистой бесѣдѣ.

Подъ конецъ Щепкинъ довольный, торжествующій, съ праздничнымъ видомъ въ лицѣ и глазахъ, принимался за мастерскія воспоминанія, разсказывалъ разныя житейскія исторіи и встрѣчи, изображалъ въ лицахъ всевозможные типы—и любо, дорого было домашнимъ и всѣмъ гостямъ, которые встрѣчались тутъ, смотрѣть на двухъ друзей, одушевившихся одинаково увлекающими ихъ мыслями, планами и воспоминаніями.

Верхъ жизнерадостнаго настроенія Щепкина—это, когда онъ брался читать Гоголя или что-нибудь другое изъ литературы. Это значило: Щепкинъ въ духѣ, въ ударѣ, „какъ никогда!..“

Молодежь вся—и дѣти Щепкина, и товарищи